B119 466

ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО
ПРИ КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР

В119
466

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ТУРЦИЯ и ГЕРМАНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Стенограмма публичной лекции доктора исторических наук А. Ф. МИЛЛЕРА, прочитанной 30 мая 1944 года в Колонном зале Дома Союзов в г. Москве

ОСКВА ★ 1944 г.

ПЛАН ЛЕКЦИИ

Стр.

Германо-турецкие отношения накануне первой мировой войны . . . 3
Вовлечение Турции в войну 8
Турция в войне 1914—1918 годов 13
Крушение Оттоманской империи 23

802517

А 5218. Заказ 157.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ГЕРМАНО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Участие Турции в войне 1914—1918 годов на стороне Германии и вообще германо-турецкие отношения того периода вызывают значительный интерес, притом интерес не только академического свойства. Эти поучительные страницы истории привлекают сейчас тем большее внимание, что позиция Турции в нынешней войне, её нейтралитет, принесший существенные выгоды гитлеровской Германии, свидетельствуют о наличии в некоторых турецких кругах достаточно сильных профашистских тенденций, возбуждающих законную тревогу в общественном мнении свободолюбивых народов.

Заключённый 18 июня 1941 года, за 4 дня до вероломного нападения Гитлера на Советский Союз, германо-турецкий договор действует и поныне. Он носит название договора «о дружбе», и на этом основании гитлеровская пропаганда, а вслед за ней и её турецкие подголоски, существующие, к сожалению, в Турции, пытаются доказывать, будто эта «дружба» Турции с гитлеровской Германией имеет под собой прочную базу, будто она отвечает турецким национальным интересам и будто Турция должна и впредь следовать политике, вытекающей из этой «дружбы». При этом гитлеровцы и их турецкие агенты, перебрасывая мост между нынешней Турецкой республикой и старой Оттоманской империей, утверждают, что корни германо-турецкой «дружбы» заложены в том военном союзе, который связывал султанскую Турцию с Германией в годы первой мировой войны.

Вот почему полезно восстановить в памяти события, связанные с участием Турции в первой мировой войне, и рассмотреть, какова была в действительности германо-турецкая «дружба» и что она принесла турецкому народу.

Воинствующее пруссачество давно обратило свои взоры на Ближний Восток. Ещё в 30-х годах прошлого века в Константинополе как будто случайно появился молодой офицер прусской армии Гельмут фон Мольтке, впоследствии известный фельдмаршал. Он сделался первым германским инструктором турецкой армии. В опубликованных им в немецкой печати ста-

тьях доказывалась необходимость усиления внимания к Турции, причём без стеснения указывалось, что немцы должны колонизировать турецкие земли: дунайские княжества, входившие тогда в состав Оттоманской империи, Измирский район, долину Евфрата. Мольтке также предлагал отделить от Турции Палестину и превратить её в княжество во главе с немецким самодержавным князем. В 40-х годах XIX века другие немецкие деятели и публицисты — Рошер, Родбертус — тоже высказывались в том смысле, что Малая Азия в будущем должна явиться наследством для Германии и что германские войска должны быть посланы в Турцию для обеспечения интересов колонизации и строительства. «Я надеюсь,— писал Родбертус,— прожить достаточно долго, чтобы увидеть Турцию в руках Германии, а немецких солдат — на берегах Босфора». В 70-х годах в Германии была опубликована книга инженера Пресселя под многозначительным заглавием: «Культурное видоизменение Анатолии с помощью германского труда». В следующее десятилетие в Берлине было основано «Торгово-промышленное общество для Анатолии» с капиталом в 50 миллионов марок для поощрения германского проникновения в Малую Азию. В эти же годы в Турции появилась германская военная миссия во главе с фон дер Гольцем, ставившая своей задачей постепенное превращение Турции в подчинённого немцам военного союзника.

Это было ещё при Бисмарке. Хотя Бисмарк демонстративно заявлял, что для него «весь восточный вопрос не стоит костей одного померанского гренадера», хотя он подчёркнуто говорил, что «никогда не читает константинопольской почты»,— в действительности уже при Бисмарке Германия приступила к подготовке военного плацдарма на Ближнем Востоке против России и против Англии. Правда, Бисмарку не хотелось слишком обострять отношения с Россией из-за восточных дел. Он предпочитал действовать осторожно, выдвигая на первый план Австрию. Бисмарк считал слишком опасным для Германии вооружённое столкновение с Россией. В заметке, сделанной в 1876 году, во время балканского кризиса, он указывал: «Вопрос о том, не поссоримся ли мы надолго из-за восточных осложнений с Англией или, что было бы ещё серьёзнее, с Австрией, или же, что было бы серьёзнее всего, с Россией,— является для будущего Германии неизмеримо более важным, чем все отношения между Турцией и её подданными или между нею и европейскими державами».

Но уже к концу канцлерства Бисмарка, а в особенности после его отставки, германская политика на Ближнем Востоке потеряла последние остатки осторожности.

Германский «Дранг нах Остен» приобрёл неприкрытые и угрожающие формы. Вильгельм II совершал театральные поездки на Восток, произносил публичные речи, в которых объявлял

себя «покровителем всех мусульман», установил тесный политический контакт с султаном Абдул-Хамидом II.

Вместе с тем немцы укрепляли свои экономические позиции в Турции. В 1903 году германские капиталисты получили окончательную концессию на строительство знаменитого Багдадского пути. Самая трасса Багдадской железной дороги указывала на её политическую целеустремлённость. Этот германский железнодорожный путь должен был выйти к Басре — на Персидском заливе — и, таким образом, явиться как бы пикой, нацеленной в самое сердце британских интересов: на Индию. По определению одного английского автора, реализация этого плана означала угрозу флангу великой Британской морской империи, точно так же как в XV веке Португалия открытием дороги вокруг мыса Доброй Надежды обошла фланг османских турок.

Понятно поэтому, что концессия на Багдадскую железную дорогу вызвала особенное обострение противоречий между Англией и Германией. И каковы бы ни были заключавшиеся между англичанами и немцами сделки и компромиссы, именно англо-германский антагонизм являлся перед первой мировой войной решающим политическим фактором на Ближнем Востоке.

В этой англо-германской — пока ещё экономической и дипломатической — борьбе за Турцию немцы действовали агрессивно и «напористо», а англичане — нерешительно и вяло. Младотурецкая революция 1908 года на некоторое время создала угрозу германскому влиянию. Младотурки, сбросив самодержавный режим Абдул-Хамида II, на первых порах подчёркнуто выражали симпатии по адресу демократических держав — Англии и Франции. В отличие от «кровавого султана» Абдул-Хамида, искавшего поддержки у Вильгельма II, младотурки готовы были сблизиться прежде всего с Англией.

Но этот период продолжался очень недолго. Английская дипломатия не сумела (или не захотела) укрепить связи с новым режимом, она предпочла поддержать противника младотурок — престарелого визиря Кямиля пашу — и группировавшихся вокруг него реакционеров, а немцы быстро переориентировались и стали сближаться с младотурками ещё теснее, чем с Турцией Абдул-Хамида. В свою очередь, младотурки по мере утраты ими прежних революционных тенденций делались по отношению к Германии всё более и более податливыми. Немцы поощряли реакционные пантюркистские и панисламистские стремления младотурок. Германские капиталисты предоставили Турции крупный заём. В связи с этим «Дейче банк» расширил свою деятельность в Турции. Возросла германо-турецкая торговля. Всё это позволило немцам в короткий срок завоевать прочные позиции не только в экономике, но и в политике Турции. И хотя жестокие поражения, понесённые Турцией в

Балканской войне, подорвали престиж германских инструкторов и лично фон дер Гольца, ответственного за плачевное состояние турецкой армии в тот период, всё же в конце 1913 года в Константинополь прибыла новая германская военная миссия во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом, получившая ещё более широкие полномочия. Становилось очевидным, что немцы прочно обосновываются в Турции.

Однако Англия и Франция всё ещё надеялись на силу своих экономических и финансовых позиций в Турции. Действительно, англичане и французы располагали мощными рычагами воздействия на Турцию. В их руках находилось более трёх четвертей Оттоманского долга и более двух третей всех прочих, помимо займов, иностранных капиталовложений в Турции. Англо-французскому капиталу принадлежал Оттоманский имперский банк. В нём «оттоманским» было одно лишь название, но он пользовался правом эмиссии и другими прерогативами государственного банка. Создавшаяся веками под охраной капитуляционного режима клиентура в лице левантинской и армяно-греческой компрадорской буржуазии тоже тяготела к Франции и Англии. Всё это рассматривалось Англией и Францией как достаточная гарантия того, что Турция не выступит против них. Получение же от турок активной военной помощи не входило в планы Антанты.

Такой расчёт держав Антанты, если он у них существовал, оказался ошибочным. Немцы в отличие от держав Антанты были непосредственно заинтересованы в распространении военных действий на Ближний Восток. Территория Оттоманской империи представлялась немцам выгодным плацдармом, с помощью которого можно было создать дополнительные фронты против Англии и России. Религиозно-политический авторитет турецкого султана-халифа являлся для немцев также заманчивым орудием в их борьбе против держав Антанты, обладавших значительным числом мусульманских подданных, тогда как германская коалиция могла не опасаться движения мусульман, ибо своих мусульманских подданных она не имела.

Наконец, Антанта в своих расчётах явно не приняла во внимание такой «невесомый», но важный фактор, как авантюризм младотурецких руководителей. После государственного переворота, совершённого в 1913 году, младотурки окончательно превратились в реакционную силу. Они не разрешили ни аграрного, ни национального вопросов, а во внешней политике подменили задачу освобождения Турции от иностранной зависимости задачей сговора с той или иной империалистической группировкой. Младотурецкая партия «Единение и прогресс» оторвалась не только от широких народных масс, с которыми она и прежде имела мало общего, но и от национальной турецкой буржуазии. По сути дела, в 1914 году Турцией правил даже не комитет «Единение и прогресс», а небольшая группка

лидеров, младотурецкий «триумвират»: Энвер, Талаат и Джемаль.

Энвер — молодой генерал, честолюбивый, беспринципный авантюрист—получил портфель военного министра и должность начальника генерального штаба, т. е. всю полноту военной власти. Он спекулировал на той популярности, которую приобрёл в годы младотурецкой революции своим личным участием в восстании македонской армии. Но, сделавшись военным министром, Энвер паша ни по характеру, ни по деятельности уже не имел ничего общего с некогда революционным офицером Энвер беем. Известный турецкий литератор и поэт Сюлейман Назыф говорил о нём: «Энвер паша — убийца Энвер бея». Своими бонапартистскими замашками Энвер заслужил в Турции прозвище «Наполеончик». В карьеристских целях он заставил султана дать ему в жёны принцессу Османской династии. Пробыв несколько лет на посту военного атташе в Берлине, Энвер установил там тесные связи с немцами и теперь, придя к власти, окружил себя немецкими военными советниками. Это ему принадлежала «заслуга» приглашения в Турцию военной миссии во главе с Лиманом фон Сандерсом. Практически Энвер подчинил Лиману фон Сандерсу всю турецкую армию. Он был очень близок и с германским послом бароном фон Вангенгеймом, который весьма хитро и ловко играл на слабых струнках Энвера, делая вид, будто действительно считает его великим человеком, и старательно разжигая его необузданное и смешное честолюбие.

Второй член «триумвирата» — Талаат — был одновременно министром внутренних дел и председателем центрального комитета «Единение и прогресс». Ярый шовинист, он являлся наиболее видным проводником политики оттоманизма, т. е. насильственного отуречения национальных меньшинств Оттоманской империи. Впрочем, это не помешало ему присоединиться к возрождённому младотурками абдулхамидовскому панисламизму, а также культивировать пантюркистские тенденции. Талаат, пожалуй, пользовался наибольшим авторитетом в партийных младотурецких кругах. Однако диктатура младотурецкой верхушки имела главной опорой армию. Поэтому Талаат, несмотря на своё видное положение в партии, зависел в конечном счёте от Энвера.

Третий член «триумвирата» — Джемаль — занимал посты морского министра и военного губернатора Стамбула. Он не раз возражал против безоговорочного подчинения Турции германскому империализму. Да он и просто не любил немцев. Но Джемаль, так же как и Талаат, подменял турецкий национализм реакционными доктринами оттоманизма, панисламизма и пантюркизма, толкавшими Турцию в орбиту германского влияния. К тому же Джемаль не имел ни партийного авторитета, как Талаат, ни опоры в армии, как Энвер. Поэтому он ограни-

...ся закулисными интригами против своих соперников «триумвирату», используя подчинённую ему столичную по... мию с широко разветвлённым сыскным аппаратом.

Остальные члены правительства и комитета «Единение прогресс» не играли решающей роли в политике. Среди них б... ло немало сторонников ориентации на Антанту или таких, ...торые по крайней мере выдавали себя за антантофилов. К ...числу принадлежал великий визирь Саид Халим паша. Он ...ел, однако, никакой реальной власти. Он был египетск... принцем, и только поэтому, в панисламистских целях, мла... турки сохраняли его (до 1917 года) в качестве декоративн... главы Блистательной Порты (этим пышным именем назы... ...ось тогда турецкое правительство). К сторонникам ориен... ...ции на Антанту принадлежал и министр финансов Джавид б... ...пользовавшийся большим доверием в англо-французских к... ...гах. «Триумвиры» намеренно не посвящали Джавида в ... подлинные планы, чтобы тот мог с большей убеждённос... вести дипломатические переговоры с представителями дер... Антанты.

Оттоманский парламент потерял всякое значение. Он це... ком подчинялся «триумвирату».

Султан Мехмед V — 72-летний старик, просидевший ...ступления на престол больше 30 лет в дворцовой тюр... ...ре, ...ял собой — физически и морально — полную ра... ...ину. Теперь он заботился лишь о том, чтобы не вмешат... хотя бы и случайно, в государственные дела. В основном ...ему удавалось. Даже о назначении Энвера военным минист... ...султан узнал из газет. «Такой молодой — и уже паша!» — у... ...лся султан. Он так послушно и безропотно подпись... ...представлявшиеся ему «ираде» (указы), что его прозв... ...«ираде — машина».

ВОВЛЕЧЕНИЕ ТУРЦИИ В ВОЙНУ

Разумеется, всё это облегчало немцам выполнение их ...ов в Турции. И лишь только сараевский выстрел ...предъявленный Австрией сербскому правительству ультима... ...создали непосредственно предвоенную обстановку, германс... ...дипломатия стала с лихорадочной быстротой добиваться ...соединения Турции к австро-германскому блоку. В двадц... ...числах июля 1914 года германский посол в Стамбуле барон ...Вангенгейм приступил к переговорам с турками о заключ... ...ловного договора. 31 июля 1914 года текст договора был ...ласован между сторонами. На следующий день, 1 августа, ...мания объявила войну России. Началась мировая война.

Чтобы устранить в этот решающий момент последние ...лебания турок, немцы произвели дополнительный нажим. Я ...шись на приём к великому визирю Саиду Халиму паше, б...

Вангенгейм и австро-венгерский посол маркиз Паллавичини заявили ему «на основании имеющихся в Вене достоверных сведений», что русский Черноморский флот готовится немедленно напасть на Босфор. Это было сознательной и заведомой ложью. Не только по военным, но и по общеполитическим соображениям Россия в то время меньше всего была заинтересована в открытии военных действий против Турции. Каковы бы ни были тайные замыслы царизма в отношении Константинополя и проливов, тогда, в решающие дни августа 1914 года, германская опасность была для русского правительства самой важной, и в этот момент нелепо было предполагать, что Россия добровольно навяжет себе дополнительную войну на Кавказе и на Чёрном море. Все беспристрастные наблюдатели, в том числе и турецкие, понимали это. Видный турецкий дипломат Мухтар паша в изданной им книге «Турция, Германия и Европа», а также ряд других турецких авторов специально отмечали, что именно Россия, как наиболее заинтересованная в это время в нейтралитете Турции, больше всех остальных держав Тройственного согласия старалась предотвратить вступление Турции в войну. Вероятно, понимали это также и младотурецкие руководители. Но заявление Паллавичини и Вангенгейма явилось для них удобным оправданием германофильской ориентации. К тому же немцы не преминули дать широкую огласку слухам о русской угрозе. Особенные старания в этом отношении проявили офицеры миссии Лимана фон Сандерса. Как сообщал своему правительству французский посол в Стамбуле, эти офицеры прибегали к всевозможным приёмам, чтобы вызвать конфликт между Турцией и Россией. «И нет такой басни, которой они не сочинили бы, чтобы напугать турок по вопросу о проливах»,— писал французский посол.

2 августа, в 4 часа дня, договор о союзе, обязывающий Турцию выступить на стороне Германии против России, был подписан Вангенгеймом и Саидом Халимом пашой. При подписании договора присутствовали Энвер и Талаат. Только они из всех турецких министров были полностью посвящены в тайну переговоров. Остальные младотурецкие лидеры, в том числе член «триумвирата» Джемаль паша, либо вовсе ничего не знали о переговорах, либо имели о них неопределённые, смутные сведения. Лишь после подписания договора кабинет министров (и то не в полном составе), а также султан были уведомлены о совершившемся акте. Некоторые министры, например министр финансов Джавид бей, выразили опасение, как бы договор не повлёк за собой осложнений с Францией и Англией. А старик Мехмед V, очевидно, памятуя печальные для Турции итоги предыдущих русско-турецких войн, был больше всего напуган перспективой войны именно с Россией.

Германо-турецкий договор так и остался строго секретным. Официально Турция объявила себя нейтральной. Под предло-

тов охрана нейтралитета нуждалась особенная мобилизация. Энвер-паша принял титул вице-генералиссимуса (генералиссимусом формально считался сам султан). Таким образом, Лиман фон Сандерс получил назначение на пост командующего 1-й армией с зоной действия, распространяющейся на Стамбул, Европейскую Турцию и район проливов. Немецкие офицеры были разосланы также в другие военные округа в качестве начальников корпусных штабов. Так немцы и Энвер приступили к тайной подготовке вступления Турции в войну.

Однако несмотря на заключение союзного договора, дело не обошлось без значительных колебаний со стороны турецкого правительства. Вступление Англии в мировую войну, оказавшееся для турок неожиданным, чрезвычайно испугало младотурецкую верхушку. При создавшихся условиях риск войны с Англией, со всей Антантой представлялся большинству младотурецких руководителей гораздо более опасным, чем риск вызвать неудовольствие Германии нарушением союзного договора. Германия, не имевшая общих границ с Турцией и еще не располагавшая тогда никакими средствами воздействия на турок, казалась младотурецким лидерам не такой уж страшной. К тому же турецкое правительство считало, что и с юридической точки зрения союзный договор с Германией, да ещё столь секретный, не налагает на Турцию безусловного обязательства вступить в войну при изменившихся обстоятельствах.

Так или иначе, многие младотурецкие руководители в начале августа 1914 года стояли за то, чтобы соблюдать нейтралитет и не вступать в войну ни на чьей стороне, по крайней мере до тех пор, пока не станет ясным исход войны. Германское правительство попыталось было ускорить развязку. 4 августа барон фон Вангенгейм получил из Берлина следующее предписание: «Возможно, что Англия сегодня или завтра объявит нам войну. Во избежание отхода Порты от нас в последний момент было бы весьма важно, чтобы Турция объявила войну России, если можно, уже сегодня или завтра». Но Вангенгейм не смог выполнить эту директиву. Порта вела себя двусмысленно, и даже Энвер-паша завязал в эти дни переговоры с русским военным атташе, предлагая турецкую армию в распоряжение России при условии заключения русско-турецкого союза и компенсаций туркам на Балканском полуострове. Вряд ли Энвер был искренен: скорее всего он хотел лишь выиграть время, но и в этом случае его поведение свидетельствовало о серьёзных колебаниях в турецкой правящей верхушке.

Но в эти же самые дни начала августа 1914 года произошло событие, сыгравшее роковую для Турции роль. 10 августа германские военные корабли «Гебен» и «Бреслау», ускользнув от преследовавшего их английского флота, вошли в Дарданеллы. Турецкое правительство объявило, что оно купило эти корабли у Германии. На следующий день «Гебен» и «Бреслау» появи

лись в Мраморном море, на виду у турецкой столицы. Внешне это выглядело как пополнение турецкого флота. В действительности же это немецкое издание «данайских даров» явилось в руках немцев тем эффективным средством воздействия на Турцию, которого им прежде не хватало. Теперь уже попытки турок уклониться от выполнения союзного договора с Германией были бы сопряжены для них с большим риском.

Ни для кого не было тайной, что купля-продажа кораблей являлась фиктивной. На кораблях осталась немецкая команда, и всё их «отуречение» свелось к переименованию «Гебена» в «Явуз султан Селим», а «Бреслау» — в «Мидилли», да к появлению фески на головах немецких матросов и офицеров. Вскоре весь турецкий флот перешёл под командование прибывшего на «Гебене» германского адмирала Сушона. Затем, с прибытием в Стамбул германского адмирала Узедома, в руки немцев перешло также командование береговой артиллерией.

Турецкий нейтралитет всё больше и больше приобретал характер почти неприкрытой фикции. В Турцию хлынул из Германии поток немцев: техников, рабочих, переодетых в штатское платье офицеров, солдат, матросов. Шли военные грузы, орудия, винтовки, снаряды, патроны, мины. Транзит осуществлялся через Румынию и Болгарию. Державы Антанты безрезультатно протестовали против этого перед румынским и болгарским правительствами. В Босфоре, против здания германского посольства, стояло германское судно, служившее радиостанцией для немецкой шпионской агентуры. Протест Англии, заявленный по этому поводу Порте, тоже остался без последствий.

Любопытный разговор произошёл примерно в это время между Джавид беем и одним бельгийским дипломатом. Старательно подчёркивавший свои симпатии к Антанте, Джавид бей с соболезнованием сказал бельгийцу: «Я должен сообщить вам ужасное известие: немцы захватили Брюссель». «А у меня для вас,— возразил бельгиец,— ещё более ужасное известие: немцы завладели всей Турцией».

С середины сентября 1914 года борьба немцев за вовлечение Турции в войну вступила в последнюю, решающую фазу. Германия потерпела поражение на Марне. Перед нею возникла грозная перспектива затяжной войны на два фронта. Поэтому если прежде, надеясь на успех «молниеносной войны», немцы хотя и не очень охотно, но всё же предоставляли туркам отсрочку, то теперь, в связи с изменившейся обстановкой, они стали настойчиво требовать немедленного выполнения Турцией её союзнических обязательств. При этом «Гебен» и «Бреслау» служили в руках немцев и орудием воздействия на Порту и средством провокации по отношению к России. Немцы совершенно перестали стесняться. Однажды турецкое правительство, опасаясь неожиданного столкновения с Россией, вос-

прегие флоту выходить из Босфора. Германский посол, тем не менее, предложил адмиралу Сушону взорвать «Бреслау» в Чёрном море, а великому визирю заявил, что «германские суда лишь до известной степени подчинены туркам» и что они предназначены служить не только турецким, но главным образом германским интересам».

В конце сентября турецкое правительство по требованию немцев полностью закрыло Дарданеллы. Дело явно шло к войне. Среди турецких политических и военных деятелей росла тревога. Многие понимали, что война грозит Оттоманской империи гибелью, а наиболее проницательные кроме того чувствовали, что и сама Германия ввиду провала плана Шлиффена обречена на затяжную войну и, следовательно, на неминуемое поражение. Ряд турецких деятелей обращался к правительству с настойчивыми предупреждениями. Как сообщает официозная кемалистская «История» («Тарих»), «находившийся в то время в Софии в качестве военного атташе полковник Мустафа Кемаль бей... давал надлежащим властям советы неоднократно». Серьёзное предостережение сделал Порте также турецкий посол во Франции Рифат паша. В одной из своих телеграмм он писал: «Германия изолирована и осуждена на поражение». В другой телеграмме Рифат паша указывал: «Обаяние привлекательность возможных военных успехов может привести только к нашему уничтожению. Нужно немедленно положить конец германскому вмешательству. Антанта готова приговорить нас к смерти, если мы выступим как враги. Германия не заинтересована в нашем спасении... В случае поражения она использует нас как средство удовлетворения алчности победителей, в случае победы она превратит нас в протекторат».

Но Порта была бессильна. Турки уже не были хозяевами у себя дома. Немцы при посредстве Энвера и его милитаристской клики неумолимо вели Турцию к пропасти.

11 октября 1914 года барон фон Вангенгейм пригласил к себе турецких руководителей и заявил им, что Германия предоставляет Турции заём в 100 миллионов франков и что как только первая часть обещанной суммы прибудет в Стамбул турки должны немедленно выступить. Джемаль паша в своих воспоминаниях отмечает, что Вангенгейм сделал это заявление «с весьма мрачным видом лица» и как будто хотел сказать: «Ну, теперь не выдумывайте никаких предлогов».

Первая партия золота в счёт займа прибыла из Германии в Стамбул 26 октября, а в ночь с 28 на 29 октября 1914 года произошёл «совершившийся факт»: германо-турецкие корабли под командованием адмирала Сушона напали на русские суда в Чёрном море, бомбардировали Одессу и другие русские порты. Тем самым Турция фактически вступила в мировую войну.

Известие об этих событиях вызвало панику в турецком правительстве. Джавид бей и три других министра демонстративно подали в отставку. Джемаль и Талаат сделали вид, что действия флота явились для них полной неожиданностью. Великий визирь заявил, что останется на своём посту только для того, чтобы спасти положение. Но всё уже было бесполезно. Некоторые турецкие министры, напуганные происшедшим, хотели дать полное удовлетворение Антанте. На совещании, созванном немедленно по получении известий о событиях на Чёрном море, они высказались против войны и предложили уволить германских адмиралов, генералов и офицеров и аннулировать союз с Германией. Однако всем пришлось смириться, когда Талаат напомнил, что турецкое правительство и город Стамбул находятся под угрозой пушек «Гебена» и «Бреслау». После этого Джавид бей, посланный к французскому послу, чтобы нащупать пути для соглашения, вынужден был откровенно признать бессилие турецкого правительства декретировать удаление немцев из Турции и в особенности осуществить его.

Так Турция превратилась в германского вассала. О том, что практически принесла Турции война, будет сказано дальше. Следует, однако, отметить, что именно вовлечение Турции в войну вызвало в стране всеобщую ненависть к младотурецким лидерам. Мнение широких слоёв турецкого народа по этому поводу проявилось с достаточной отчётливостью в том факте, что на процессе руководителей комитета «Единение и прогресс» в 1926 году в Анкаре одним из главных пунктов обвинения было обвинение в том, что младотурецкая клика втянула Турцию в первую мировую войну на стороне Германии. Генеральный прокурор Турецкой республики на заседании анкарского «суда независимости» во время этого процесса говорил: «Турция вступила в войну в тот момент, когда германское наступление было остановлено на Марне и когда будущий исход конфликта сделался ясным. Вся турецкая нация оказалась вовлечённой в войну в результате «совершившегося факта», произведённого германским адмиралом по приказу кайзера. Другими словами, великая и историческая империя стала игрушкой в руках этого германского адмирала, самое имя которого не было известно турецкому народу. Турецкие министры, подчинившиеся этому действию, выглядят скорее как покорные слуги кайзера, чем как министры, ответственные за благополучие Турции».

После вступления Турции в войну немцы стали открыто распоряжаться в этой стране, как в своей колонии. «Вице-генералиссимус» Энвер паша не только фактически являлся германским агентом, но и формально подчинялся главной германской ставке. Германские офицеры, прикомандированные к миссии

Лиман фон Сандерса, были распределены по всем османским армиям, соединениям и частям в качестве начальников штабов. Во главе османского генерального штаба тоже был поставлен немец: в начале войны генерал Бронсарт фон Шеллендорф, затем генерал фон Сект. Армиями, расположенными в зоне Стамбула и проливов, командовали немцы — Лиман фон Сандерс и сменивший его позднейший в Турции фон дер Гольц.

С турецким правительством немцы совершенно перестали считаться. С их точки зрения, было вполне достаточным поддерживать Энвера и отчасти Талаата (занявшего в 1917 году пост великого визиря). Других младотурецких деятелей они вовсе не принимали во внимание. Недаром в Германии вполне серьёзно называли Турцию «Энверландом», и таблички с этой надписью помещались на военных поездах, шедших в Стамбул.

Не вполне доверяя и Энверу, немцы взяли в свои руки военную цензуру. Даже «ираде» султана и фетвы мусульманского первосвященника Шейх-уль-Ислама (фетвой называется каноническое толкование того или иного акта или события на основе Корана), даже эти священные для мусульман документы не могли быть опубликованы без немецкой визы. Турецкое военное министерство и здание турецкого правительства — Блистательная Порта — охранялись не турецкими, а германскими войсками. В различных министерствах необычайно возросло число германских советников. В Стамбульском университете важнейшие кафедры были заняты германскими профессорами.

Первые же поезда так называемого Багдадского, начавшего функционировать в 1916 году, после поражения Сербии и установления прямого сообщения Берлин—Стамбул, наводнили Турцию многочисленными немецкими агентами, экспертами всяких действительных и мнимых специальностей, журналистами, востоковедами и т. д. Германские католики стремились заменить своими «отцами францисканцами» французскую миссионерскую школьную сеть, существовавшую в Турции до войны. Для этого в Турцию ездила специальная делегация во главе с известным деятелем германского католического центра Эрцбергером, который в 1916 году подписания турецким правительством соглашения с Германией «о защите немецких католических учреждений». На основании этого соглашения сотни австро-германских миссионеров были посланы в Турцию.

Немцы беспощадно выкачивали продовольственные и сырьевые ресурсы Турции. Им была создана специальная «центральная закупочная комиссия», монополизировавшая турецкий экспорт. Хлеб, мясо, сало, оливковое масло и прочие продукты питания, в которых Турция сама испытывала большой недостаток, вывозились в Германию и Австрию в таком объёме, что это даже повлекло за собой резкое падение курса марки на стамбульской бирже. Когда же турецкое правительство перед лицом возникшего в стране голода оказалось вынужденным вмеша-

тить экспорт продовольствия, германская «закупочная комиссия» усилила вывоз промышленного сырья.

В целях подчинения турецкого сельского хозяйства своему контролю немцы заняли руководящие посты в министерстве земледелия и в других связанных с сельским хозяйством учреждениях Турции. Под председательством германского представителя была создана при министерстве земледелия «комиссия по развитию сельского хозяйства». Эта комиссия меньше всего интересовалась развитием сельского хозяйства Турции. Её действительной целью было переключение турецкой экономики на производство тех видов стратегического сырья, в которых нуждалась Германия. Немец был поставлен во главе турецкого Сельскохозяйственного банка, единственного из существовавших тогда в Турции национальных банков. Германский генеральный консул в Стамбуле фактически возглавил стамбульский «продовольственный совет», от которого зависело снабжение населения столицы продуктами питания. Результатом деятельности этого совета были чрезвычайный рост цен на продукты питания и неимоверная спекуляция.

Под германский контроль перешли также другие отрасли экономики и финансов. Ряд концессий, принадлежавших капиталистам держав Антанты, был захвачен немцами. Угольный бассейн Эрегли—Зонгулдак (на черноморском побережье) взяла в эксплоатацию германская группа во главе с «Дейче банком». Для транспортировки и распределения угля было создано «угольное бюро» под начальством германского офицера. Немцы стали эксплоатировать медные рудники в районе Эргани (на юговостоке Анатолии). Германские военные инженеры, офицеры и унтер-офицеры были командированы в качестве фактических хозяев на различные копи. Лесоразработки, порты, все железные дороги контролировались немцами.

Таким образом, если у некоторых младотурецких деятелей прежде существовали иллюзии, что, вступив в войну, Турция, по крайней мере, приобретёт в свою пользу иностранные предприятия, принадлежащие капиталистам держав Антанты, то теперь эти иллюзии окончательно рассеялись. Оказалось, что вместо нескольких хозяев теперь в Турции распоряжался один— наглый, хищный и бесцеремонный пруссак. Характерно, что даже Управление Оттоманского государственного долга не перестало взимать налоги и сборы с турецкого населения. Изменение заключалось лишь в том, что во главе совета Оттоманского долга стояли теперь не англичане и французы, а немцы, и что получаемые в счёт погашения Оттоманского долга суммы переводились не в Париж, а в Берлин. Равным образом немцы заменили французов в правлении Оттоманского банка.

Хозяйничание немцев довело Турцию, и без того слабую и отсталую, не оправившуюся от предыдущих войн — триполитанской и балканских,— до крайней степени истощения. Уже

В первые годы войны посевные площади сократились в три — четыре раза, а под некоторыми культурами и больше. Резко уменьшилось поголовье скота, в особенности волов — главного в Турции вида тяглового скота. Военные реквизиции и недостаток кормов сократили его численность почти на 90%. Поскольку к тому же всё работоспособное мужское население было мобилизовано в армию, нередко в анатолийской деревне можно было наблюдать грустную картину, когда старик-крестьянин впрягал в соху рядом с единственным оставшимся у него волом собственную дочь.

Деревня голодала. Свирепствовал сыпной тиф. В Сирии умерло от голода, по минимальным подсчётам, 60 тысяч человек. Трупы оставались по нескольку дней непогребёнными. В Анатолии обессиленные голодом крестьяне прекратили работы в Эрзерумских угольных копях и на строительстве железной дороги Анкара — Сивас. Да и в самом Стамбуле, в столице, где власти из чувства собственного самосохранения всё же старались снабжать население хлебом, ежедневно регистрировалось по десятку голодных смертей.

Превратив Турцию в своего, по выражению В. И. Ленина, «финансового и военного вассала», немцы, вместе с тем, не оказали туркам действенной помощи в военном отношении. Турции пришлось сражаться против могущественных противников на четырёх фронтах. Её армия испытывала недостаток абсолютно во всём: в технике, обмундировании, продовольствии, людской силе. Между тем немцы ограничивались присылкой в Турцию небольших партий вооружения и боеприпасов и сводили свою «помощь» главным образом к дешёвым займам, за которые выкачивали из Турции продовольствие и сырьё, да к преподанию разных советов через внедрённых в турецкую армию германских офицеров. Турки не раз жаловались, что им нужны не офицеры и не советы, а, например, технические войска. Но Германия не желала снабжать свою союзницу боевыми контингентами сверх того количества, которое требовалось для поддержания диктатуры Энвера. Появившееся было в 1915 — 1916 годах на турецких фронтах несколько австрийских артиллерийских частей были вскоре отозваны обратно. В 1917 году из Германии был прислан на сирийский фронт так называемый «химический корпус». Однако весь «корпус» состоял из 6 тысяч человек и всё время держался в тылу. Все его солдаты, не говоря уже об офицерах, пользовались специально организованной немцами продовольственной службой. Их привилегированное положение вызвало лишь раздражение и ропот среди турецких солдат и офицеров.

Больше того: несмотря на недостаточность войск на турецких фронтах, германское командование получило от Энвера в 1916 году в результате тайных переговоров три не дутых, а настоящих корпуса — 120 тысяч человек — для палестинского и

других австро-германских фронтов. При этом по приказу Энвера в Европу были отправлены отборные бойцы. Слабые заменялись солдатами из других частей. Экспедиционные корпуса получили лучшее обмундирование и снаряжение, тоже за счёт турецких фронтов. Таким образом, немцы не только не помогли своему слабому союзнику, но извлекли из Турции пушечное мясо. Вполне откровенно и цинично писал по этому вопросу в своих мемуарах бывший начальник германского генерального штаба фон Фалькенгайн: «Мне нечего доказывать, что для нас очень важно, если... вместо 25 тысяч немцев будут проливать кровь в Галиции 25 тысяч турок».

Вместе с тем вредным для Турции оказалось и хвалёное германское военное руководство. Началось с мобилизации. Составленный немецкими офицерами мобилизационный план изобиловал грубыми ошибками. Турецкий военный специалист полковник Фуад бей в опубликованной им книге говорил, что этот план заслужил бы на экзамене в школе генштаба отметку нуль». В результате мобилизация была проведена неумело, с огромным количеством встречных перевозок и с большими задержками.

Далее, позорный провал потерпел разработанный немецкими генштабистами и Энвером пашой основной военно-стратегический план. План имел грандиозный размах. Было решено вести наступательную войну в двух направлениях: на Кавказ—против России—и на Суэцкий канал и Египет—против Англии. По плану, сопротивление этих двух противников должно было быть сломлено в очень короткий срок. План предусматривал затем распространение военных действий на весь обширный мир ислама. Объявляемая султаном-халифом «священная война» — джихад — должна была привлечь на сторону Турции Иран и Афганистан; соединённые войска этих трёх мусульманских держав должны были группироваться в Иране, проникнуть через горные проходы Афганистана в Северозападную Индию и присоединить к себе индийских мусульман. Вместе с тем, по этому бредовому энверовскому плану, турецкие войска должны были, прорвавшись через Суэцкий перешеек, завоевать Египет, распространиться по всей Северной Африке, а присоединяющиеся к ним сенусситы и суданцы должны были нести «священную войну» в другие африканские колонии Антанты... Что же касается Кавказа, то здесь дело должно было обстоять совсем просто: «победоносные» турецкие войска должны были занять всё русское Закавказье, перейти в Иранский Азербайджан, окружить со всех сторон Каспийское море, затем завоевать волжско-уральские районы с татарским населением и Среднюю Азию.

Таков был план, носивший на себе явную печать бесшабашного авантюризма германской военщины и энверистов-пантюркистов. Немецкие генштабисты расписали в плане всё до по-

стями людей и движущихся войск, и направление у турок, и денег. Только ничего из всего этого не вышло. Как поётся в старой солдатской песне: «Чисто писано в бумаге, да забыли про овраги, как по ним ходить». А «оврагов» нашлось достаточно...

Во-первых, совершенно не оправдали себя надежды немцев и Энвера на панисламизм. В ноябре 1914 года султан-халиф объявил «священную войну» — джихад. Для того чтобы объяснить правоверным мусульманам особый характер этого джихада, направленного не вообще против всех немусульман, а только против одной группы немусульманских держав, Шейх-уль-Ислам издал целых пять фетв. В них указывалось, что «Россия, Англия и Франция... проявляют все старания, дабы увести от этого халифа — блюстителя высокий свет ислама» и что поэтому все мусульмане, находящиеся на территории стран Антанты, обязаны выступить против своих правительств. Вместе с тем объяснялось, что неверными следует считать только державы Антанты, а Германия и Австрия являются опорой и защитой ислама.

Практические результаты джихада оказались ничтожными. Ни в Индии, ни в Египте, ни в России этот призыв не встретил серьёзного отклика. Отправленные в Иран и Афганистан германские и турецкие эмиссары после нескольких неудачных попыток втянуть эти страны в войну были вынуждены отказаться от своей миссии и бежать. Да и в самой Оттоманской империи джихад, как и панисламистская пропаганда, был бессилен против возникшего ещё до войны национального движения нетурецких и мусульманских народов. Арабы Сирии, Палестины, Хиджаза не проявляли никакой склонности бороться за германо-турецкое господство. В июне 1916 года арабы Хиджаза при поддержке англичан подняли восстание. Владетель Мекки Хусейн встал во главе восстания, провозгласил себя королём арабов и объявил джихад против турецкого султана, разъясняв правоверным мусульманам, что неверными следует считать немцев и их младотурецких союзников, а Англия является опорой и защитницей ислама.

Во-вторых, с самого начала войны рухнули надежды немцев на победу над русскими и английскими войсками. Для отвоевания у англичан Египта в Сирию в качестве командующего армией был отправлен Джемаль паша (Энверу, кстати, было выгодно удалить опасного конкурента из столицы). Начальником штаба у него был назначен германский полковник Кресс фон Крессенштейн. Уезжая из Стамбула, Джемаль паша был преисполнен самых радужных мечтаний. Провожавшим его друзьям он сказал на вокзале: «А вернусь я уже морем, из Александрии». Действительность разрушила мечты Джемаля. Подготовленная по плану фон Кресса экспедиция к Суэцкому каналу потерпела неудачу. В феврале 1915 года турки сделали по-

…тку форсировать Суэцкий канал, но были отбиты и отступили. В дальнейшем было сделано ещё несколько набегов на Суэцкий канал, но всё с тем же отрицательным результатом.

На Кавказе операциями против России взялся руководить сам Энвер вместе с начальником своего штаба германским генералом Бронсартом фон Шелендорфом. В конце 1914 года Энвер паша бросил войска на прорыв русского фронта—на линию Ардаган—Сарыкамыш—Урмия, рассчитывая быстрым ударом овладеть Закавказьем и Ираном. Эта операция завершилась для турок подлинной катастрофой. Несмотря на то, что у России на Кавказе войск было мало и что турецкое наступление застало русское командование врасплох, турецкая армия после некоторых небольших первоначальных успехов была отброшена к Сарыкамышу и здесь полностью разгромлена. В одной лишь операции под Сарыкамышем потери турок достигли 90 тысяч человек. В дальнейшем русские войска сами перешли в наступление, продвинулись в глубь Анатолии и уже в начале 1916 года взяли Эрзерум, затем Трапезунд и Эрзинджан.

Таков был плачевный итог наступательных операций, предпринятых по плану и под руководством немцев. Несколько более выгодная для Турции обстановка сложилась на тех двух фронтах, где турки находились в обороне,— на дарданелльском и месопотамском. В Дарданеллах турки около года отбивали атаки союзнического десанта, вынудив его в январе 1916 года эвакуировать Галлиполийский полуостров. Но в том-то и дело, что в Дарданеллах турки были обязаны успехом отнюдь не германскому руководству, а как раз наоборот—смелому и инициативному нарушению германского оперативного плана. Ответственность за это взял на себя командир одной из дивизий, полковник Мустафа Кемаль. Он провёл в жизнь свой собственный план, вопреки указаниям Лимана фон Сандерса, и этим в критический момент спас положение в Дарданеллах.

Что же касается месопотамского фронта, то здесь турки имели лишь временный успех. Наступавший с юга английский отряд под командованием генерала Таунсхенда был окружён в Кут-эль-Амаре и в 1916 году капитулировал. Но этот эпизод не оказал существенного влияния на ход военных действий. Весной 1917 года англичане, возобновив наступление, взяли Багдад и одновременно начали продвигаться в Палестине.

Уже к этому времени военное положение Турции было, по сути дела, безнадёжным. Только отсутствие согласованности в действиях держав Тройственного согласия затягивало агонию. Большинство турецких военных и политических деятелей сознавало это. Складывалось твёрдое убеждение, что союз с Германией ведёт Оттоманскую империю к катастрофе. В буржуазных кругах Стамбула тогда говорили: «Что бы ни случилось, опять бедная Турция будет платить за разбитые горшки».

Некоторые видные младотурки, опасаясь революционного

[illegible], пытались произвести дворцовый переворот, чтобы устранить Энвера и сговориться с Антантой. Одна из таких попыток имела место в 1915 году, в напряжённый момент дарданелльской кампании, когда её исход не был ещё ясен, другая — в 1916 году, когда русские войска успешно продвигались в Анатолии. Эти попытки не удались. Заговорщики боялись апеллировать к народным массам, а народные массы ещё не выдвинули своих организаторов. Энвер, Талаат и их ближайшее окружение, понимая, что их судьба слишком тесно связана с немцами, беспощадно расправлялись со своими противниками.

Тем не менее в Турции неукротимо поднималась волна негодования против немцев и клики Энвера. Несмотря на осадное положение, в различных городах, в том числе в Стамбуле, происходили голодные бунты. Антигерманские настроения распространились и на армию. Имели место стихийные возмущения турецких солдат против немцев. Было убито несколько германских офицеров.

В резкие конфликты с немцами вступали также некоторые турецкие генералы. Особенно остро возражал против немецкого хозяйничанья в Турции Мустафа Кемаль, будущий руководитель борьбы турецкого народа за национальную независимость. Это был подлинный патриот. Он знал Энвера с первых дней его политической деятельности и никогда не доверял ему. Постепенно его недоверие превратилось в глубокую и непримиримую ненависть.

Ещё до войны, возмущённый приглашением в Турцию военной миссии Лимана фон Сандерса, Кемаль написал Энверу письмо, в котором протестовал против подчинения турецкой армии германскому генералу. Энвер не ответил Кемалю, но постарался отправить строптивого офицера подальше от столицы. С этого времени между Кемалем и Энвером произошёл полный разрыв. И когда Энвер наша женился на османской принцессе и, поселившись в роскошном дворце на Босфоре, установил под балдахином золотой трон своей царственной супруги, подполковник Мустафа Кемаль, хмурый и недовольный, исполненный тревоги за будущее Турции, отправился к своему скромному посту военного атташе в Болгарии. Отсюда, из Софии, Кемаль настойчиво, но тщетно предостерегал правительство против вступления в войну. Началась война. Кемаль потребовал назначения на фронт. Энверу не хотелось давать Кемалю командную должность, но Кемаль, когда Энвер уехал на кавказский фронт, добился своего. В 1915 году он командовал дивизией, потом группой дивизий в Дарданеллах. Здесь у него возникли первые серьёзные трения с немцами. Командовавший армией Лиман фон Сандерс возмущал Кемаля своим пренебрежением к интересам Турции. Кемаль не скрывал от

него, что предпочёл бы вовсе освободить Турцию от германских «советов».

Характерный инцидент произошёл однажды между Кемалем и Лиманом фон Сандерсом перед концом дарданелльской кампании. Лиман фон Сандерс позвонил Кемалю по телефону и небрежно спросил его, каково положение на фронте и какие предложения он считает необходимым выдвинуть перед главным командованием. Кемаль резко ответил, что о положении на фронте он своевременно докладывал. Что же касается мер, которые нужно принять, то было много полезных предложений, но теперь осталось только одно. «Какое именно?»— поинтересовался Лиман фон Сандерс. «Передать мне командование всеми войсками, находящимися в вашем распоряжении»,— отрезал Кемаль. Лиман фон Сандерс прекратил разговор.

После дарданелльской кампании Мустафа Кемаль, получив чин генерала и звание паши, был отправлен в 1916 году на кавказский фронт, затем, в 1917 году, в Сирию. В Сирии он командовал армией, входившей в армейскую группу, во главе которой стоял генерал фон Фалькенгайн. Здесь у Кемаля произошёл особенно острый конфликт с немцами из-за их вмешательства во внутренние турецкие дела. Кстати, в это время в штабе Фалькенгайна подвизался в качестве офицера разведки небезызвестный Франц фон Папен, нынешний гитлеровский посол в Анкаре. Его деятельность в Сирии сводилась тогда к шпионажу, а также к провокациям и интригам, при посредстве которых он сталкивал турок с арабами. Мустафа Кемаль паша рассорился с Фалькенгайном, отказался служить под его командованием и выехал в Стамбул.

Весной 1918 года Кемаль, состоя в свите наследного принца Вахидеддина, совершил поездку в германскую ставку. Это было в момент предпринятого немцами «решительного» наступления на западном фронте. Германский кайзер Вильгельм II и германские генералы во главе с Гинденбургом и Людендорфом старались ослепить высоких турецких гостей блеском германских побед, обширностью захваченных территорий, доказать, что начатое наступление скоро завершится полным разгромом противников. Туркам показывались специально выделенные воинские части, разъяснялись стратегические планы кампании. Как вспоминал впоследствии Кемаль, «на карте всё это было изображено очень приятными для глаза красками, а слова и объяснения германских генералов были блестящими и весьма техническими». Но Кемаль, несмотря на нежелание германского командования, добился осмотра самого поля сражения. Анализировав обстановку и поговорив на месте с более откровенными офицерами на передовых позициях, Кемаль, как опытный военный, увидел подлинную картину. Он пришёл к выводу, что германское наступление не имеет никаких пер-

сведения и что, тем более, Германия в это время сама находится в непосредственной опасности.

Отсюда логически следовал вывод, что Германия войну проиграла и что Турция должна немедленно выйти из подчинения немцам, чтобы самостоятельно определить свою судьбу. Но для этого нужно было прежде всего удалить Энвера. В этом смысле Кемаль и делал предложения Вахидеддину как во время совместной поездки в Германию, так и потом летом 1918 года, когда Вахидеддин уже сделался султаном после смерти старика Мехмеда V. Однако Вахидеддин был труслив, а Энвер и Талаат ещё цепко держались за власть. Обращения к султану привели лишь к тому, что Энвер, узнав о них, настоял на возвращении Кемаля в Сирию (где Фалькенгайна уже сменил Лиман фон Сандерс).

Развитие событий неумолимо вело к трагическому для Турции концу. Пытаясь отсрочить своё падение, Энвер принял участие в грабительском походе немцев против советских республик. В нарушение Брест-Литовского договора он сформировал в июне 1918 года в Батуми особую армию и двинул её на Ереван. Продвигаясь на Восток, турки заняли Ганджу, а в сентябре 1918 года вступили в Баку.

Здесь, на Кавказе, проявились разногласия уже между немцами и Энвером, главным образом — на почве дележа награбленной добычи. Немцы хотели захватить грузинский марганец, бакинскую нефть и другие богатства Кавказа — и всё это для себя, а Энвер, возрождая свои пантюркистские и панисламистские планы, стремился сам овладеть всем Кавказом и, кроме того, мечтал о походе на Волгу, в Туркестан, в Индию. Немцы теперь были этим явно недовольны, так как это противоречило их планам укрепления своего господства и ограбления Кавказа, Туркестана и Поволжья. Людендорф впоследствии в своих мемуарах жаловался на то, что турки захватили в Батуме нефтяные склады, не поделившись с немцами, и недвусмысленно указывал: «Мы могли рассчитывать на бакинскую нефть лишь в том случае, если бы взяли её сами». Очевидно, по тем же причинам (хотя, возможно, и по более глубокой причине: вообще все германо-турецкие предприятия закончились крахом) Гинденбург впоследствии с раздражением писал, что панисламизм (который он путал с пантюркизмом) — это «язва с военной точки зрения».

Всё это было последними судорогами оттоманского милитаризма. 20 сентября 1918 года советское правительство аннулировало Брест-Литовский договор в части, касающейся советско-оттоманских отношений. Так младотурки потеряли предоставленную им историей возможность своевременно выйти из губительного для них союза с Германией.

Более того, с чисто военной точки зрения, предпринятая Энвером авантюра на Кавказе явилась непосредственной при-

ния турецких армий в Палестине. В целях борьбы
ких республик Энвер перебросил с палестинского
вказ значительную часть войск и этим серьёзно
заслон, который турки имели в Сирии против ан-
ии Алленби. В результате этого, когда в сентябре
ленби предпринял генеральное наступление, турец-
был быстро прорван и уже в двадцатых числах
18 года остатки войск, которыми командовал Ли-
Сандерс, в полном беспорядке отходили на север.
ан фон Сандерс чуть не попал в плен к англичанам.
алось спастись в последний момент, причём он бежал,
лисывают очевидцы, в пижаме, с электрическим фонари-
в одной руке и папкой секретных документов — в другой.
щ фон Папен просто скрылся с фронта. Между прочим,
тогда помог бежавший вместе с ним лейтенант фон Риб-
оп. С этого времени и завязалась дружба между двумя
щими гитлеровскими дипломатами. Фон Папен вскоре ока-
Риббентропу услугу за услугу: когда в Германии Риббен-
а предали офицерскому суду по обвинению в дезертир-
, фон Папен выступил в качестве свидетеля защиты и су-
добиться оправдательного вердикта.

КРУШЕНИЕ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Разгром турецких войск в Палестине означал крушение
оманской империи. Разложение в турецких войсках стало
бщим. Солдаты и даже многие офицеры забирали оружие
ходили домой, в Анатолию. Это не было обычным дезер-
ством. По официальной статистике, количество «дезерти-
» превышало число солдат на фронте. С фронта уходили
ые воинские отряды, иногда в полном составе, с винтов-
, пулемётами и прочим вооружением. Политический харак-
такого «дезертирства» чувствовали даже немцы. Лиман
Сандерс ещё до палестинского разгрома писал в докладе
льнику оттоманского генерального штаба генералу
Секту, что в прежние войны дезертирство было почти
естно в Турции и что его нельзя считать «наследствен-
оком турецкой армии».

горые районы находились целиком во власти ушедших
олдат. В сентябре 1918 года они захватили город
били германских офицеров и потребовали заклю-

ря 1918 года капитулировала Болгария. Пе-
ты открылся путь на Стамбул. Угрожаю-
чайно встревожило султана и младо-
ни поняли, что в Турции дело идёт
хорадочно добиваться перемирия. Гер-
но покинули свои должности. Лиман

фон Сандерс передал командование уцелевшими остатками войск Мустафе Кемалю паше.

В целях облегчения переговоров с Антантой Энвер, Талаат и Джемаль также покинули свои посты. Великим визирем сделался беспартийный, но всё же близкий к младотуркам Ахмед Иззет паша. Он публично заявил, что «война против Англии была преступлением», и попросил английского генерала Таунсенда, находившегося в Турции в плену, быть парламентёром.

30 октября 1918 года на борту английского крейсера в порту Мудрос, на Эгейском море, было подписано перемирие, по которому Турция сдалась на милость победителей.

Так закончилось для Турции её участие в первой мировой войне на стороне Германии. Таковы были плоды германо-турецкой «дружбы». Немцы, вовлекшие Турцию в войну, эвакуировались. Бежали из страны также Энвер, Талаат, Джемаль и другие младотурецкие виновники катастрофы. Талаат паша перед бегством откровенно признал крах германофильской политики комитета «Единение и прогресс». «Наша политика — сказал он на съезде младотурецкой партии,— потерпела поражение, поэтому более не представляется возможным, чтобы мы сохранили власть в какой бы то ни было форме».

Вся эта политика принесла турецкому народу такие тяжкие бедствия, каких он не испытывал, пожалуй, никогда за всю свою сложную историю. Многочисленные человеческие жертвы, голод, разорение хозяйства, неимоверные унижения, которым немцы подвергали турок,— всё это пало на турецкий народ только потому, что его незадачливые руководители позволили германским империалистам втянуть Турцию в войну, которая никак не являлась турецким национальным делом и которая при любом исходе должна была неизбежно навлечь на турок одни лишь несчастия.

В новой, кемалистской Турции этот опыт «дружбы» с Германией не был забыт. Ведь не случайно, что младотурецкие лидеры, связавшие свою судьбу с немцами, оказались навсегда дискредитированными в глазах турецкого народа и что национально-освободительную борьбу новой Турции возглавил тот, кто в своё время непрестанно и непримиримо боролся против Энвера и немецкого хозяйничания,— Кемаль Ататюрк. Нужно надеяться, что и теперь никакие попытки германского империализма в лице его нынешней наихудшей разновидности — германского фашизма — не сумеют исказить в сознании турок подлинный смысл этого тяжёлого, но поучительного урока.